

война

САТИРИКОН

Цѣна отд. № 15 коп.

На ст. жел. д. 20 коп.

новый

№ 6

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ

1916
4 ФЕВРАЛЯ

Рис. Реми.

По независящимъ отъ редакціи об-
стоятельствамъ подпись не могла быть
помѣщена.

ТРАГИЧЕСКИЙ ЦИРКЪ.

1. Верблюдъ.

Красивымъ жестомъ — стройность блѣдныхъ рукъ.
Любви — безуміе и сила урагана.
Толпъ — спокойствіе красиваго обмана.
Уродливости — гнетъ безцѣльныхъ мукъ.

Мой номеръ простъ, мой номеръ очень простъ!
Я губошлепъ, улыбкъ пѣтиметра
Стараюсь подражать, какъ конь, любимецъ вѣтра,
Гардую по песку, задравши глупо хвостъ!
Мой номеръ простъ, — ташу тяжелый грузъ!
(О можетъ ли на свѣтѣ быть что проще),
Тяжелый грузъ жены, моихъ дѣтей и тещи.
И позабывъ и ревность и конфузъ, —
Пусть позабавятся, — вѣдь въ жизни все такъ тлѣнно,—
Любовника жены ташу смиренно!
Я такъ ташу второй десятокъ лѣтъ,

И за двѣ радужныхъ, — за трудъ мнѣ платы, —
Имѣю и конюшню, и обѣдъ,
Ну... изрѣдка жену, и то, что чуя я свято:
Любовь моихъ дѣтей, верблюжій мой помѣтъ!
Плетусь, плетусь, оркестръ безумно вретъ,
Свистятъ, кричатъ. — А гдѣ же укротитель,
Гдѣ укротитель львовъ? Пусть этотъ идутъ
Уходить прочь! — И въ прѣзную обитель
Нетопленной квартиры я рысцой
Плетусь, мирить любовника съ женой.

Уродливымъ прыжкамъ — уродство слабыхъ ногъ.
Тупотерпѣнію — гнетъ непосильный груза.
Бездарности — нѣмая музъ.
Безсилію — жестокій рокъ.

А. Радаковъ.

КАРТОЧНАЯ СИСТЕМА.

Говорятъ, что у насъ тоже хотятъ ввести карточную систему на предметы частнаго продовольствія. Мнѣ кажется, что это къ условіямъ русской жизни очень и очень долго не будетъ подходить. Потому что —

I.

— Чѣмъ могу служить, ваше превосходительство?
— Встаньте, молодой человѣкъ, когда съ вами разговариваются. Четыре пуда бѣлаго мяса.
— Ваше превосходительство... Да развѣ я могу... Карточки теперь требуются...
— Карточки? Ахъ, вотъ что...

Большая, на плотной бумагѣ карточка. На карточкѣ отчетливо напечатано: фонъ-Эполетскій, Анисимъ Петровичъ. Завѣдующій канцеляріей. Служебный телефонъ. Домашній телефонъ.

Развѣ молодой человѣкъ о двухъ головахъ?

— Митька... Свѣшай его превосходительству. Да смотри, чтобы костей было поменьше... Прикажете прислать?

II.

— Боже мой... Я и забылъ совсѣмъ... Карточку?...
— Не задерживайте.
— Да развѣ я задерживаю?... Что вы, что вы... Вотъ она. Пожалуйста.
— Хурки. Сотрудникъ газеты «Поцѣлуй мерзавца»...
Нужно специальную карточку. Продовольственную.
— А мнѣ бы немного. Фунтика два — два съ половиной, десять.
— Я же вамъ говорю...
— Вы не имѣете права прежде всего кричать на...
Вотъ пойду сейчасъ и достану карточку... Напишу вотъ только кое-что о порядкахъ въ одной мясной лавкѣ и приду.
Напишу и приду.

— Да я бы съ удовольствиемъ, но сами знаете...
 — Да я же что. Такъ говорю: напишу и приду.
 — Хоть бы фунта три, можетъ быть и можно было бы...
 — Минъ все равно: семь таクъ семь.
 — Четыре-то, конечно, можно...
 — Шести мнъ хватить...
 — Митька... Заверни-ка господину...

III.

— Марья Никифоровна... Да я же не могу... Карточки теперь требуются...
 — Гадкий, нехорошій... У, противный...
 — Да если бы я могъ...
 — А вы сможете... Вамъ Леночка, между прочимъ, кланяется.
 — Отъ меня непремѣнно тоже.
 — Я жду, Иванъ Петровичъ!
 — Да не могу же я... Карточка требуется...
 — Противный... Злюка... Я буду думать о васъ, что вы бяка... Да, да бяка... Впрочемъ, у меня есть карточка... И карточка я вамъ скажу — Леночкина... Въ профиль и головка большая...
 — Марья Никифоровна, да положеніе-то мое служебное...
 — Значить, вы отказываетесь отъ Леночкиной карточки?
 Да? Да? Я такъ и скажу ей...
 — Марья Никифоровна...
 — Нехорошій, нехорошій...
 — Митька... Митька... Мяса отпусти, поганецъ...
 Спиши тамъ въ углу...

IV.

— Ваныка! Да это не ты... Нѣть ты... Вотъ чортъ...
 Вотъ совпаденіе-то... Я за мясомъ, а ты имъ завѣдующій...
 — Здравствуй, братъ... Не могу я тебѣ безъ карточки отпустить...
 — Это мнѣ-то?
 — Тебѣ.
 — Занялъ высокое положеніе и зазнался... А ты отпусти.
 — Сказалъ, что не могу.
 — Жаль. А я тебя сегодня на обѣдъ хотѣль позвать.
 — Не могу, братъ...
 — Здорово... А то думаю: придетъ, а я ему кое-что подарю... Кстати, ты карточекъ новыхъ не покупалъ?
 — Какихъ карточекъ...
 — Да этихъ вотъ... Понимаешь? Ишь, какой безтолковый... Тутъ дама сзади стоитъ, — я бы тебѣ подробнѣе описать...
 — А... понимаю... Нѣть, а что?
 — У меня, братъ, запасище теперь такой...
 — Да ну?
 — Право... Парижкія, братъ, все... Одна тамъ особенно есть... Какъ живыя... Тебѣ ее и отдамъ... Отсыпь-ка поскорѣй мяска...
 — А карточку?
 — Вечеромъ дамъ... Это, братъ, тебѣ не продовольственная карточка...
 — Митька... Ну-ка вотъ этому господину...

Единственнымъ способомъ урегулированія правильной выдачи мяса по карточкамъ я считаю нѣсколько рѣзкий, но жизнеспособный:

— Становись въ очередь... Кто тамъ продирается?.. Что? Дама? Митька, бери полѣно... Бей, бей — я отвѣчу...
 — Что? Дома карточка? Митька, выкидывай его...

— Совсѣмъ нѣть? А въ очереди стояли? Мѣсто занимали? А если тебя коровьей берцовой костью по головѣ? Не любишь? Ага... Бѣги... Бѣги, пока не поймали...

— Что? Двѣ карточки? Четыре карточки? У одного? Оцѣпляй, братцы, магазинъ... Эй, ты, босса, становись у окошка, тамъ держи... Лови, братцы, его... Поймали? Эй, ты, шляпа... Осторожнѣе за голову... Вывернешь, мяса не получишь... Не ходили бы, господинъ, съ четырьмя карточками, ничего бы и не было... Я здѣсь не при чемъ...

Арк. Буховъ.

СОВѢТЫ.

1. Какъ топить печи.

Во-первыхъ, надобно имѣть
И ассигнаціи и мѣдь;
На ассигнації на складѣ
Купить дровеца, морозовъ ради;
Доставить ихъ себѣ на дворъ,
Сложить и спрятать подъ запоръ.
(А мѣдь отсыпать ломовому
За то, что везь дрова до дому.)
Необходимо, во-вторыхъ,
По пустякамъ не тратить ихъ;
Обѣдъ готовить на бензинкѣ,
Чай кипятить на керосинкѣ
И согрѣвать свой бренный духъ, —
Въ квартирѣ, сидя въ шубахъ двухъ.

2. Какъ вѣсть гречневую кашу.

Во-первыхъ, надобно имѣть
Лишь ассигнаціи, не мѣдь;
На Николаевскомъ вокзалѣ
Купить билетъ въ угрюмомъ залѣ;
Съ трудомъ протискаться въ вагонъ
И ждать, когда поѣдетъ онъ.
За симъ, на первомъ полустанкѣ,
Спросить у заспанной крестьянки:
— Madame, не знаете ль, гдѣ тутъ
Въ аренду землю отдаютъ?
Узнавши, снять. Участокъ тихій
Засѣять вкусною гречихой
И вотъ, когда она взойдетъ,
Набить любимой кашей ротъ.

3. Какъ покупать обувь.

Иди въ кафэ съ Пассажемъ рядомъ;
Отдай всю жизнь свою подрядамъ;
Старайся больше пріобрѣсть.
И вѣтъ, наживъ миллиновъ шесть,
Ступай къ сапожнику Ерошки
И закажи полусапожки.

В. Князевъ.

Рис. Н. Д.

ВЪ ТѢСНОТѢ, ДА НЕ ВЪ ОБИДѢ.

— Сударыня, у вѣсъ лѣвая рука свободная — полѣзьте мнѣ въ карманъ и выньте деньги для кондуктора.

— Хорошо, но съ условіемъ: поправьте мнѣ носомъ шляпу — она сбилась набокъ — и отѣпите зубами вуаль отъ пуговицы моего сосѣда...

ПОЭТЪ СЪ ПЯТЬЮ „НО“.

Всѣ поэты считаютъ его полководцемъ (онъ заявилъ однажды, что поведетъ войска на Берлинъ), но ни одинъ полководецъ не считаетъ его поэтомъ.

Его всѣ знаютъ. Но „Одоль“ и воду Францъ-Иосифа знаютъ еще больше.

О немъ говорятъ; въ немъ что-то есть. Но то же самое можно сказать о всякомъ человѣкѣ, въ которомъ сидитъ солитеръ.

Къ нему не зарастетъ народная тропа. Но только потому, что никто ея и не протаптывалъ.

Его читаютъ больше, чѣмъ Пушкина. Но это потому, что въ Россіи желудей съѣдается больше, чѣмъ ананасовъ.

АФРИКАНЕЦЪ НА СЪВЕРЪ.

Черный мальчикъ въ чайномъ магазинѣ
Выбивался медленно изъ силь —
Цѣлый день въ соломенной корзинѣ
По домамъ покупки разносилъ.

Тосковаль, ко снѣгу непривыкшій,
Бредилъ зноемъ въ снѣжную метель,
И мечталъ о Цейлонѣ, гдѣ рикши
Все жуята дурманящій бетель.

И когда въ изящную перчатку,
Онъ соваъ покупку, но не ту,
Господа прощали недохватку
За его смѣшную черноту.

Онъ ходилъ и думалъ, что съ годами,
Отдохнувъ отъ криковъ и корзинъ,
Станеть мужемъ бѣлой-бѣлой дамы
И откроетъ чайный магазинъ.

И въ мечтахъ онъ нѣжился, какъ въ пледѣ:
Не сдержать мечты, какъ рикши прыть!
Осмѣльвъ, золотокудрой леди
Онъ рѣшилъ любовь свою открыть.

Но, когда въ порывѣ неуклюжемъ,
Онъ открылъ наивно-пухлый ротъ,
Обѣщаю быть примѣрнымъ мужемъ,
Бѣлый шефъ вручилъ ему расчетъ.

А она? Смѣялась звонко-звонко —
Такъ, что, впрямь, отвѣтить не могла,
И вблизи, изъ оникса японка,
Задрожавъ, упала со стола.

Черный мальчикъ, мальчикъ откровенный,
Снесъ бы все. Но смѣхъ любимой — ядъ.
Черный мальчикъ перерѣзалъ вены
Тѣмъ ножемъ, что рѣзаль онъ шпагать.

Дикъ былъ крикъ клиентовъ оробѣлыхъ.
Лединъ грумъ доставилъ въ мигъ врача.
Врачъ не спасъ: у черныхъ и у бѣлыхъ
Кровь одна — красна и горяча.

Эм. Германъ.

З А В И С Т ь.

Я стою на площадкѣ вагона курьерскаго поѣзда и отъ нечего дѣлать прислушиваюсь къ мѣрному стуку колесъ... Не знаю, кажется это мнѣ, или, можетъ быть, дѣйствительно слышу я, но въ ударахъ колесъ объ рельсовые стыки мнѣ удается уловить человѣческую рѣчь...

Я чуть пріоткрываю наружную дверь, чтобы лучше слышать...

Говорятъ! Ей Богу, говорятъ!
Мой вагонъ слепка толкаетъ своего сосѣда и стучитъ:

— Что, пріятель? Полземъ?

— Полземъ...

— Настроение у меня скверное, пріятель. Хоть съ насыпнѣвались...

— Опять о томъ же?

— Да, о томъ же... Поймите, товарищъ, что это дьявольски несправедливо... Оторопь береть отъ одного сравненія! Мы, пульмановскіе вагоны, должны пасовать передъ какой-то красной товарной дрянью! Чортъ знаетъ, что...

— М... да... Не хорошо.

— Вы знаете, я до сихъ поръ не могу прийти въ себя отъ негодованія. Вы будете слушать?

— Эге.

— Стою я сегодня утромъ на запасномъ пути. Стою такъ, какъ подобаетъ стоять джентльмену. Вдругъ, вижу, на меня прямо лѣзетъ товарный вагонъ. Я молчу. Я уверень, что онъ подойдетъ, остановится на приличномъ разстояніи, и этимъ дѣло кончится... Ничего подобнаго! Этотъ хамъ бацъ меня по буферамъ! Отъ неожиданности я даже откатился.

— Нахаль!

— О, если бы этимъ кончилось! Я говорю: «Сударь, долгъ вѣжливости...» А онъ: «Помолчи, длинный, потому терпѣть не могу, когда въ моемъ обществѣ разговариваютъ!»

— Онъ такъ сказалъ?

— Онъ хуже сказалъ. «Прошло, говорить, то время, когда вы были на барскомъ полозу. Теперь наше время. Я въ родѣ какъ сіамскій король, а ты на манеръ журавля, хоть длинный, а толку отъ тебя никакого». Я вскипѣль. «А въ тебѣ, собака, есть толкъ?»

— Ну, а онъ?

— А онъ: «Чего тамъ разговаривать, ты посмотри только, какъ за мной ухаживать будутъ, а потомъ припомні, было ль когда-нибудь съ тобой такое обращеніе». Стою, жду... Эдакъ, черезъ часъ, подходить къ товарному люди. Одинъ изъ нихъ, бородатый такой, волнуется, навѣрное,—кричитъ: «А это не вагонъ?» А другой, изъ нашихъ, инженеръ, и отвѣчаетъ: «Нѣтъ-съ, не вагонъ». — «Пустой же?» — «Пустой». — «Здоровый?» — «Нѣтъ». — «Что съ нимъ?» — «Смазать надо». — «Вагонъ?» — «Нѣтъ, нась». Бородатый закряхтѣль.

— Смазаль?

— А чортъ его знаетъ. Бумажки какія-то въ руки соваъ. Разноцвѣтныя. Разсовалъ онъ бумажки и спрашиваетъ: «Выздоровѣть вагонъ?» — «Выздоровѣть-то выздоровѣть, а щать ему нельзя». — «Какъ такъ?» — «А такъ, что гдѣ же это видано, чтобы больной съ постели прямо въ дальний путь пускался». Взвылъ бородатый. «Не понимаю я, — говоритъ, — вашего эзопова языка, что вамъ надо?» — «А то надо, что товарищество мы понимаемъ и отсутствующихъ обѣдлять не позволимъ. Ежели смазаны мы, такъ и товарищей нашихъ надо смазать». — «А много ихъ». — «Сорокъ человѣкъ и восемь лошадей». Вынулъ бородатый пачку бумажекъ и проситъ: подавитесь.

— Подавились?

— Незамѣтно было. «Ну, теперь мой вагонъ?» — спрашиваетъ бородатый. Стали шептаться. «Что жъ, — отвѣчаютъ, — рискнемъ... Пользуйтесь». Подошелъ бородатый къ товарному, да какъ начнетъ его цѣловать! Золотой ты, мой, говоритъ, мечта ты моя, фата-моргана! Ужъ онъ его и такъ и эдакъ! И рукой погладить и отойдеть въ сторону, посмотреть на него, да засмѣется! «Получиль-таки! Получиль, тебя, шельмца...»

— Это ужасно!

— Ага! Ушелъ и бородатый. «Товарка» мнѣ и говорить: «Видѣль? слышалъ? Да, подожди, какъ за мной на каждой станціи будуть ухаживать! Сколько станцій, столько разъ меня берутъ отѣплять, не простудился ли я, дескать, въ дѣрѣ... А потомъ доѣду до мѣста назначенія, сейчасъ меня на товарный дворъ. И буду я тамъ гдѣ стоять. А бородатый будетъ изрѣдка навѣрхъ да говорить: «Стой, стой, голубь мой, дѣлай я, али нѣтъ, расходы свои окупить? Стой, цѣну выжирай!» А по всему этому самому, дрожи передо мною, пульманъ несчастный!»

— Нахаль!

— Я, знаете, чуть колеса не потерялъ отъ всего пережитого. Это же позоръ! Какой-то жалкій товарный вагонишко, еле выдерживаетъ тысячу пудовъ и такой почетъ! Ничего не будетъ странного, если у меня отъ возмущенія лопнутъ всѣ оси!

— Я готовъ забастовать. Можетъ быть на наше счастье кто-нибудь положитъ попперекъ пути бревно...

— Я вамъ дамъ! — заревѣль вдругъ паровозъ.

Вагоны сразу замолчали, заскрипѣли и стали...

Гдѣ-то далеко крикнулъ кондукторъ:

— Ге-е-ей! Отѣпить вагонъ надо. Колесо въ ёмъ вертѣться перестало!

Евграфъ Дольскій.

ЖЕРТВА ДОРОГОВИЗНЫ.

На пожарѣ. — Что такое? Этотъ господинъ въ самый огонь想要 броситься!... Ребенокъ у него тамъ горитъ, что ли?

— Нѣтъ, просто папироску想要 даромъ закурить. Вы же знаете, какъ спички нынче кусаются.

В.

По независящимъ оть редакціи обстоятельствамъ рисунокъ не могъ быть помѣщенъ.

ФРАНЦУЗСКАЯ БОРЬБА. (Ближайшее будущее.)

Французская борьба, какъ и всякий одряхлевшій, обветшавшій организмъ, скончалась неожиданно и по самой пустяковой, незамѣтной для здороваго организма причинѣ...

Въ одинъ изъ обычныхъ «борьбовыхъ» дней, когда знаменитый «дядя Ваня», подъ звуки марша, вывелъ свою разношерстную команду на цирковую арену и, построивъ всѣхъ чемпіоновъ полукругомъ, заревѣль своимъ зычнымъ голосомъ:

— Въ настоящемъ международномъ чемпіо...
— Неправда! — крикнулъ чей-то звучный голосъ съ третьего ряда.
Дядя Ваня споткнулся и недоумѣвающе взглянула на перебившаго.
— То-есть... что неправда?
— Да вотъ вы сказали «въ настоящемъ международномъ» — это неправда.
— Что именно? — обидѣлся дядя Ваня. — Неправда, что онъ настоящій, или что онъ международный?
— И не настоящій онъ, и не международный.
— А какой же онъ?
— Вамъ лучше знать. Только онъ не настоящій.
Дядя Ваня пожалъ плечами и пошелъ дальше:
— ...чемпіонатъ, организованномъ въ интересахъ спорта для борьбы за первенство міра...

— И это неправда, — твердо сказалъ голосъ уже изъ первого ряда.
— Что... неправда?
— Что вы говорите: «въ интересахъ спорта»... Ну, при чемъ тутъ интересы спорта?
— Какъ это... такъ... при чемъ? Спортъ же — вы сами знаете...

— Знаю, знаю, — засмѣялся зритель. — Потому и говорю: не вѣрю.
Дядя Ваня скрылъ смущеніе и гаркнулъ дальнѣйшее:
— ...для борьбы за первенство міра...
— Неправда! — крикнулъ кто-то изъ второго ряда. — И въ Одессѣ, и въ Харьковѣ, и въ Ахтыркѣ, и въ Винницѣ сейчасъ борются въ циркахъ за первенство міра...

— Ну, такъ что же?
— Сколько же у васъ міровъ, если въ каждомъ паршивомъ городишкѣ ваши дармоѣды возятся на пыльныхъ коврахъ «за первенство міра»?
— Дядя Ваня, — крикнулъ съ галерки сиплый, дружески-фамильярный голосъ. — Не втирай очки.

Дядя Ваня призвалъ на помощь все свое самообладаніе и крикнулъ:

— Побѣдителямъ будуть разданы слѣдующіе призы...
— Неправда!...
— Что? Господи, Боже ты мой... Что же неправда?
— Вотъ это... что побѣдителямъ...
— Почему?
— Ну, какіе они побѣдители? Тоже спортъ нашли!

Ха-ха!

Дядя Ваня чуть не плакаль:
— ...слѣдующіе призы: большая золотая медаль...
— Неправда! Не вѣримъ!
— Да медали хоть повѣрьте! — стукнулъ страшнымъ кулакомъ себѣ въ грудь дядя Ваня.
— Не хотимъ! Довольно вѣрили! Хватить!
— Да чому жъ вы тутъ не вѣрите: обыкновенная большая золотая медаль...
Со всѣхъ сторонъ кричали:

— Неправда!
— Нѣть! Не можетъ быть!
— Она не обыкновенная!
— Не большая!
— Не золотая!
— Не медаль!

— О, Господи! — надрывался дядя Ваня. — Да вѣдь что-нибудь борцы получать?

— По мордѣ они получать!

— Брось, дядя Ваня! Иди спать.

— Господа, господа! Такъ же нельзя... Васть много, а я одинъ. Если у публики есть какія-нибудь заявленія, пусть она говорить по очереди. Вотъ вы... чего вы отъ меня хотите?

— Я? Отъ васть? Конечно, хочу... Скажите, дядя Ваня, у васть нѣть продажнаго бензина? Я вчера въ кафе принять заказъ на 3000 пудовъ... Можетъ, продааетъ?

— Господа! Это коммерческое дѣло, а мы... въ интересахъ спорта...

— Борьба тоже коммерческое дѣло!

— Дядя Ваня! А гдѣ теперь Вахтуровъ?

— Вахтуровъ въ Одессѣ! Сейчасъ его Пеликанъ избираетъ почетнымъ гражданиномъ города Одессы и ея окрестностей!

— Какъ низко палъ Вахтуровъ!...

Увидѣвъ, что публика какъ будто отвлеклась въ сторону, хитрый дядя Ваня воспользовался случаемъ и гаркнулъ:

— Сегодня состоятся борьбы слѣдующихъ паръ...

— Неправда! — взвизгнулъ женскій голосъ.

— Чѣо неправда?

— Все неправда! Не сегодня! Не состоятся! Не борьбы!

И никакихъ паръ нѣть!

— Мадамъ, чѣо вы! Да два борца — развѣ это не пара?

— Ничего подобного! Вы съ вашими борцами — два сапога пары!

— Дядя Ваня, брось. Охота... Иди спать.

— Прощу внимания! Борется первая пара: сэр Джон Куксъ, Англия...

— Неправда! Онъ армянинъ! Какой же онъ сэрь, если еще на прошлой недѣль намъ у Махаева шашлыкъ подавалъ...

Дядя Ваня сдѣлалъ видъ, что не слышитъ.

— Сэр Джон Куксъ, Англия и Лиманъ Фрей, негръ, Тимбукту!!

— Дядя Ваня, какой же онъ негръ, ежели онъ бѣлый.

— Онъ очень чистоплотный... часто моется...

— Вотъ тебѣ разъ!... А говорять: чернаго кобеля не отмоешь добѣла.

— Прошу почтеннѣйшую публику моихъ негровъ съ собаками не смыывать! Вторая пара: индусъ Кахута, Индостанъ...

— Индусъ? Да я съ нимъ давеча разговаривалъ, — такъ по-ярославски и чешетъ.

— Онъ за это будетъ оштрафованъ, успокойтесь! Вторая пара...

— Дядя Ваня, — проникновенно сказалъ искренній юный студентикъ изъ ложи. — Мнѣ скучно.

Солидный господинъ въ первомъ ряду вынулъ золотые часы, взглянуль на нихъ и сказалъ:

— Досточтимый дядя Ваня! Чтобы не тратить зря драгоценнаго времени, сдѣляемъ такъ: пусть они не борются, а просто вы скажете намъ — кто кого долженъ побороть. Ей Богу, это все равно. А вечеръ будетъ свободный и у васъ и у насъ.

— Правильно! — заревѣль мальчишка съ галерки, подражая голосу дяди Вани.

Грустнымъ, полнымъ затаенной боли взглядомъ, обвелъ дядя Ваня всю свою понуренную команду... Всѣмъ было не по себѣ, всѣ сердца щемила боязнь за будущее.

— Доборолись? — ядовито прошипѣль дядя Ваня. — Съ вами, чертями, и не въ такую исторію втяпаешься. Тоже, борцы выискались... Ступайте домой!

И, рявкнувъ по привычкѣ: «Парадъ, алле!», тихо побрѣть за борцами, которые гуськомъ, съ понуренными головами, убитые, молча покидали арену.

* * *

Такъ кончится французская борьба на Руси...

Скука человѣческая вознесла ее превыше лѣса стоячаго, скука человѣческая и положить ее на обѣ лопатки.

Разбретутся безработные борцы, всякий по своему дѣлу, и не скажутъ даже напослѣдокъ своему предводителю:

— Ave, дядя Ваня! Morituri te salutant.

Не скажутъ, ибо ни только не знакомы съ латынью, но и по-русски подписываются такъ: «Борѣцъ Сиргей Петухофъ».

Медуза-Горгона.

ВЪ НАШИ ДНИ.

Одинъ молодой человѣкъ, оперный артистъ по профессіи, влюбился въ дочь адвоката...

Такъ какъ чувство его достигло апогея и ждать онъ больше не могъ, то рѣшилъ пойти къ отцу любимой дѣвушки и, объясняясь ему въ чувствахъ къ дочери, просить руки любимой дѣвушки...

Пошелъ...

* * *

А отецъ дѣвушки, адвокатъ, сидѣлъ въ это время у себя въ кабинетѣ и, держа револьверъ у виска, собирался застрѣлиться, потому что жизнь ему надѣла.

Когда молодой человѣкъ постучался въ дверь, адвокатъ пробормоталъ проклятие и, сунувъ револьверъ въ карманъ, принялъ молодого человѣка...

Стали разговаривать...

* * *

— Ёхаль я къ вамъ самъ не свой... Хорошо еще, что лошадь тащилась медленно, и я могъ собраться съ мыслями...

— А почему же лошадь тащилась медленно, — машинально спросилъ адвокатъ.

— Гололедица, а подковы, очевидно, стерлись... Теперь, вы сами знаете, съ подковами прямо бѣда...

— Почему?

— Нѣть подковъ. Большія деньги можно сейчасъ съ подковами сдѣлать...

— Что вы говорите! А мнѣ нынче свойкъ изъ Казани пишетъ: не можешь ли, дескать, сбыть куда-нибудь тридцать пять тысячъ круговъ подковъ.

— Что вы говорите! — воскликнулъ оперный артистъ. — Такъ это можно великолѣпное дѣло сдѣлать!... Я сейчасъ... Гдѣ у васъ телефонъ? А, тутъ. Спасибо. Центральная! 347—52. Это вы, господинъ Цигельпирчикъ?... Слушайте, есть подковы... Что? Гдѣ? Такъ я вамъ и сказалъ. Сейчасъ я пріѣду въ кафе, напишу куртажную расписку, а потомъ... что? Ну, да.

Оперный артистъ отошелъ отъ телефона и, потирая руки, сказалъ:

— Дѣло сдѣлано! Теперь напишемъ маленькое условище, а сегодня вечеромъ побѣжжайте въ Казань...

— Достану ли только билеты, — съ беспокойствомъ замѣтилъ адвокатъ. — Впрочемъ, я сейчасъ полечу на городскую станцію...

* * *

Вотъ какимъ образомъ въ 1916 году оперный артистъ, отправившійся къ самоубийцѣ-адвокату сдѣлать предложеніе любимой дѣвушкѣ, вмѣсто этого купилъ у адвоката тридцать пять тысячъ круговъ подковъ (франко Петроградъ, съ уплатой 10% Цигельпирчику).

Аркадій Аверченко.

Рис. Реми.

РАЗСУДИТЕЛЬНОСТЬ.

— Правда, что вы взяли съ собой въ служебную поѣздку ревизора, сказавши, что „съ нимъ веселѣе“?

Гласный Н. П. Зеленко: — Конечно, съ нимъ по крайней мѣрѣ ёздишь. А безъ него многимъ приходится сидѣть.

Рис. В. Лебедева.

УДОБНАЯ ПРИЧЕСКА.

Онъ: — Почему ты все счёта отъ твоихъ портнихъ подсовываешь мнъ рано утромъ, когда я еще въ постели?

Она: — Да тогда у тебя волосы все равно уже стоять дыбомъ...

СВЯТОЙ ДОЛГЪ.

Я едва успѣлъ сказать Марья Петровнѣ десятокъ фразъ, какъ ея мужъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Неужели вы не знаете, что женщины больше, чѣмъ мужчинъ, а въ военное время неизѣримо больше?

— До сихъ порь я надѣ этими не задумывался, но если бы остановилъ свое вниманіе, то, конечно, согласился бы съ вами.

— Такъ почему же вы ухаживаете за чужими женщинами?

Вопросъ былъ сдѣланъ въ такомъ рѣзко-настойчивомъ тонѣ, что мнѣ оставалось только отшутиться:

— Потому, что нѣть своей жены.

— А вы женитесь... Это будетъ гораздо благороднѣе и...

— Жоржъ! — остановила его Марья Петровна.

— Разрѣшите мнѣ просить васъ не устраивать моего семейного счастья, — съ лепкимъ поклономъ сказалъ я ему.

Онъ свирѣпѣо поглядѣлъ на меня:

— А мнѣ разрѣшите просить васъ не разрушать моего семейного счастья!

Марья Петровна опустила голову и прикусила губу. Я пожалъ плечами и дѣланно-игривымъ голосомъ воскликнулъ:

— О, ваше семейное счастье слишкомъ прочно, чтобы я смѣль даже мечтать обѣ этомъ!

Онъ испытующе поглядѣлъ на меня.

— Вы думаете?

— Убѣжденъ!... Марья Петровна васъ очень любить, и если что-либо грозитъ вашему семейному счастью, то только ваша ревность.

— Онъ ужасный человѣкъ... То-есть, онъ очень хороший человѣкъ, но онъ можетъ убить своей ревностью!

Мужъ покачалъ головой и отошелъ въ сторонку.

Марья Петровна умоляюще поглядѣла на меня и сказала:

— Ради Бога, помогите мнѣ, научите, какъ мнѣ сдѣлать, чтобы онъ не мучилъ меня... Я очень люблю его, но я боюсь, что я его скоро возненавижу!... Я знаю, вы мнѣ другъ и я вамъ нравлюсь, какъ человѣкъ, а не какъ женщина... Не отрицайте, я знаю... ну, сознайтесь, правда, вѣдь?

— Правда, — честно отвѣтилъ я.

— Ну, вотъ, видите и хорошо!... — И тутъ же чисто по-женски добавила: — Неужели, я не интересна, какъ женщина?

— Мария Петровна, вѣдь, вы его любите, и онъ васъ безумно любить, къ чему вамъ еще побѣды, къ тому же совершенно не...

— Да, да, да!... Вы правы: мы любимъ другъ друга, но онъ убить мою любовь къ нему... Будьте другомъ, научите!

— Онъ интересуется другими женщинами?

— Ни одной!... Не смотрить даже на нихъ.

— Я вамъ помогу. Но съ условіемъ: вы никогда меня не упрекнете за это.

— Я буду вѣчно вамъ обязана!... Буду поминать васъ въ молитвахъ!

— Начните вы его ревновать.

— Я?! Его?!... — Она расхохоталась,—да къ кому же?

— Къ кому хотите, но только къ красивой женщинѣ!.. Начните придиаться къ нему даже безъ основанія: «Жоржъ, ты что-то стала засматриваться на Анну Васильевну», — если онъ на нее и не взглянуль. — «Жоржъ, Варвара Александровна находитъ, что ты вчера былъ очень интересенъ». «Жоржъ, Нина Георгіевна въ тебя влюбилась»...

— Вы думаете, это на него подействуетъ? Я сомнѣваюсь: вѣдь, въ обществѣ, или если у насъ гости — онъ отъ меня не отходитъ ни на шагъ, онъ ловить каждое мое слово, фиксируетъ мой взглядъ, мою улыбку... Я чувствую себя такъ, какъ арестантъ, когда за нимъ сквозь «глазокъ» запертої двери наблюдаетъ тюремщикъ!... И знаете, во мнѣ тогда поднимается злобное чувство противъ него, и мнѣ безумно хочется его злить, злить и злить... Вотъ, видите, онъ уже возвращается къ намъ и сейчасъ снова начнетъ васъ задѣвать...

У меня не было ни малѣшаго желанія съ нимъ пикировать, и я, поцѣловавъ ей ручку, откланялся и подошелъ къ другой дамѣ.

.... Моя встрѣча была мѣсяцъ тому назадъ. Вчера Марья Петровна по телефону назначила мнѣ свиданіе въ Эрмитажѣ.

Едва мы поздоровались, я напомнилъ ей:

— Марья Петровна, вы обѣщали мнѣ не упрекать меня!

— Упреки бесполезны теперь: мы съ нимъ разѣхались!

— Не можетъ быть!

— Увы, это случилось... Я не упрекаю васъ, но въ этомъ виноваты вы.

— Я?

— Вы. Я послушалась вашего совѣта. Сначала онъ не реагировалъ на мои сцены ревности, даже находить ихъ приятными... Потомъ началъ засматриваться на Анну Васильевну... Просить меня передать Варварѣ Александровнѣ его привѣтъ началь на второй недѣль... На третьей онъ послалъ ей цвѣты... Съ Ниной Георгіевной онъ ъздилъ на Стрѣлку... Онъ пересталъ стоять, словно часовой, подѣлъ меня... Пересталъ цензуровать мои бесѣды съ мужчинами... На четвертой недѣль онъ исчезъ изъ дома на три дня, а вчера сообщилъ, что между нами все кончено и... сѣхалъ на другую квартиру... и живеть съ чьей-то женой!

— Можетъ быть, онъ къ вамъ вернется... Это, вѣроятно, мимолетное увлеченіе. Онъ, вѣдь, такъ васъ любить!

Марья Петровна заплаکала и уронила свою голову мнѣ на грудь.

— Вы сдѣлали меня несчастной — вы обязаны дать мнѣ счастье!

... Да, я косвенный виновникъ ея несчастья, но развѣ можно по требованію дать счастье — дать его?... Я и не даю ей счастья, но утѣшать ее — я утѣшаю: это мой святой долгъ, и я его честно и благородно выполню!

Исидоръ Гуревичъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Образованный.

По поводу ухода городского головы, графа И. Толстого г. Маргулесъ съ восторгомъ вспоминаетъ въ „Вечерн. Биржев.“ — какой былъ образованный городской голова:

Были мы на муниципальныхъ празднествахъ въ Парижѣ и Ліонѣ... Желая показать лучшее, чѣмъ можно было заинтересовать иностранцевъ въ Ліонѣ, мэръ этого города повелъ насъ въ единственный

въ мірѣ по богатству исторический музей тканей. Графъ, слѣдя за хранителемъ музея мимо тканей византійской эпохи, старинныхъ тканей восточныхъ народовъ, на ходу безошибочно опредѣлялъ эпохи и школы. Въ углу большого зала музея хранитель показавъ графу небольшую тіару, сказалъ: „Я купилъ эту сербскую тіару за 100 ф., очень боюсь, что переплатилъ за нее“.

— Сербская тіара! — воскликнулъ графъ. — Да вы прочитали ли надпись, вышитую вокругъ ея основы? Вѣдь она на армянскомъ языке!

Нашъ любезный хозяинъ страшно сконфуженъ, — вѣдь въ ліонскомъ университѣтѣ есть филологический факультетъ. Но его конфузъ быстро проходитъ отъ радостного волненія, когда графъ прибавляетъ:

„Эти тіары крайне рѣдки, и вы не переплатили бы, заплативъ за нее и десять тысячъ франковъ“.

Несмотря на восторженность г. Маргулеса — выводъ выглядываетъ, какъ изъ мѣшка.

— Въ армянскихъ тіарахъ и цѣнахъ на нихъ графъ понималъ больше, чѣмъ въ цѣнахъ на черкасское мясо..

О, если бы петроградцы ъли жареная тіара по-армянски — графъ показаль бы себя!..

И дальше пишетъ г. Маргулесъ:

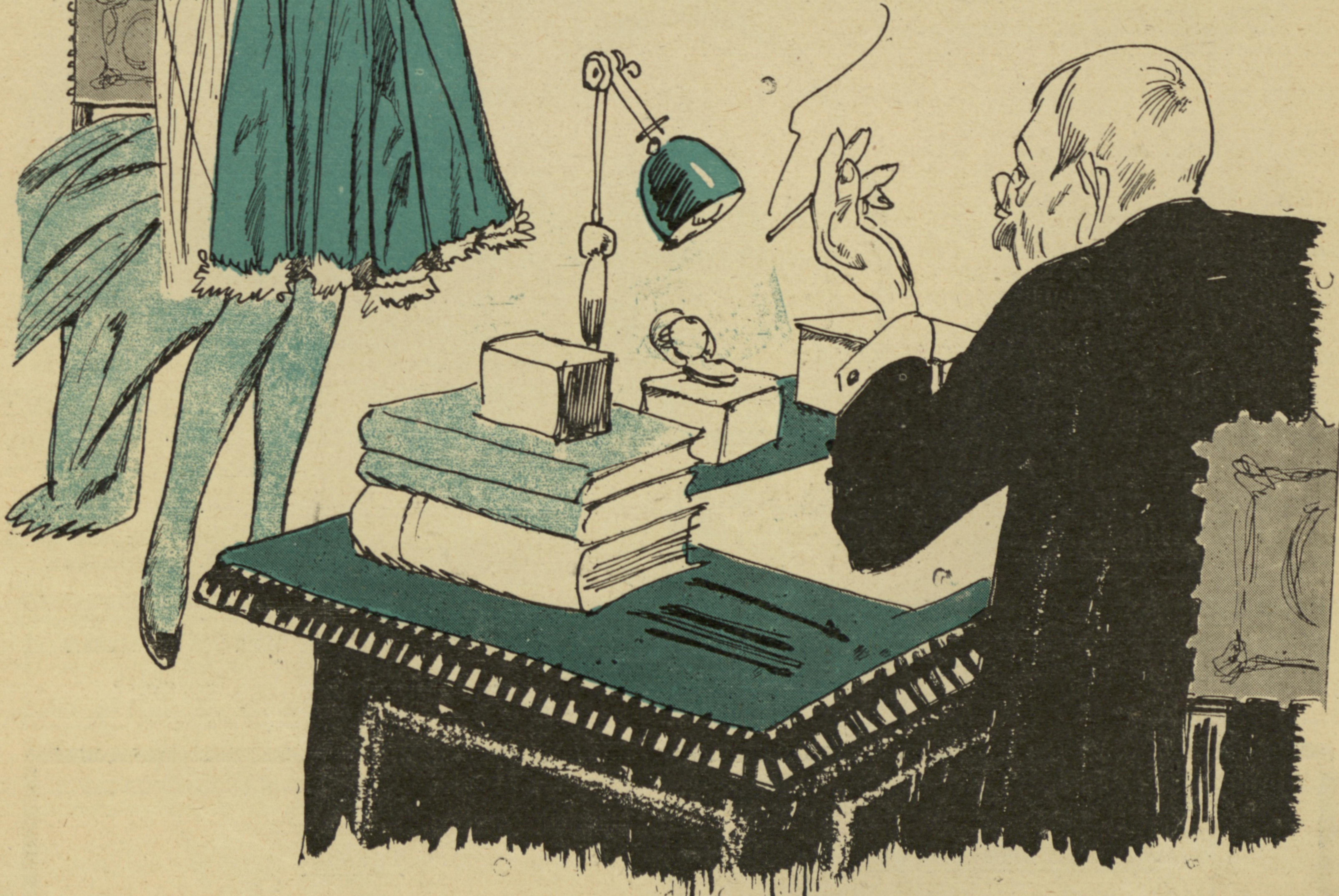
Столица имперіи — представляетъ всю Россію; городской голова столицы — термометръ, которымъ Западъ можетъ и долженъ опредѣлять уровень умственной и духовной культуры страны и народа. Въ лицѣ графа страна теряетъ городского голову который сдѣлалъ бы честь любой столицѣ Запада и который одинъ могъ бы доказать Европѣ, что и мы пріобщены къ великой культурной семье народовъ.

А по-нашему, лучше бы у насъ извозчики были хорошие, чѣмъ всякая эта Европа.

Гдѣ ужъ намъ!..

Насколько неожиданнымъ каждый разъ является возвращеніе И. Л. Горемыкина, настолько же естественной кажется всѣмъ его отставка. А на этотъ разъ она меньше всего можетъ быть названа преждевременной. Всѣмъ памятно, какъ лѣтомъ прошлаго года приглашенные И. Л. Горемыкинымъ „на чашку чая“ члены Гос. Думы правыхъ секторовъ горячо убѣждали его уйти со своего отвѣтственного поста. Этому же было посвящено и письмо къ нему предсѣдателя Гос. Думы, о которомъ такъ много говорилось въ послѣднее время.

Рис. Реми.

УЖАСНЫЙ СЛУЧАЙ, ИЛИ — ВЕРХЪ РАЗСѢЯННОСТИ.

— Вы сказали, что готовы меня выслушать... Ну, вотъ, я раздѣласъ...

— Сударыня! Я могъ бы выслушать васъ и безъ раздѣванья — я адвокатъ. Докторъ этажемъ выше.

Отъ издательства „Новый Сатириконъ“.

Вследствие все растущаго вздорожанія бумаги (на 250—300 %), клише, типографскихъ работъ и проч., — издательство принуждено временно повысить стоимость журнала въ розничной продажѣ.

Начиная съ № 8 — цѣна экземпляра журнала будетъ 20 коп., какъ у газетчиковъ, такъ и въ кiosкахъ на ст. желѣзн. дорогъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Аргусъ изъ „Обозрѣнія Театровъ“, справедливо возмущаясь невѣжествомъ кинематографовъ, безграмотно афиширующихъ новыя фильмы, заключаетъ свою статью такими гнѣвными словами:

По адресу этихъ кинематографовъ хочется сказать словами незабвенного Кузьмы Пруткова: — Ударь разъ, ударь два, но нельзя же до безчувствія!

Аргусъ, какъ извѣстно, все видѣть, — но, къ сожалѣнію, не все помнить Аргусъ!

Вниманію „Аргусовъ“, такъ часто приписывающихъ Кузьмѣ Пруткову то, что написалъ... Сухово-Кобылинъ:

— Чѣмъ кумушекъ считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться, — какъ сказалъ незабвенный французъ Байронъ.

Въ „Одесскомъ Листкѣ“ поэтъ М. Гитерманъ поражаетъ читателя мудрымъ знаніемъ того, что никому не извѣстно:

*Будетъ утро. Будетъ полдень. Снова
мракъ. И вновь восходъ.*

*Мигъ за мигомъ... Часъ за часомъ... День
за днемъ... За годомъ годъ...*

Дружескій совѣтъ поэту М. Гитерману:

Эпиграфомъ къ своей будущей книжѣ стиховъ взять слова одного изъ чеховскихъ персонажей:

— Волга впадаетъ въ Каспійское море. Лошадь кушаетъ сѣно...

* * *

Недавно поэтъ Д. Ратгаузъ разразился слѣдующей „рѣчью“:

Говори, говори безъ конца!

*Въ умиленіи и восторгѣ любуйся яр-
кимъ солнечнымъ днемъ.*

*Вливай ароматъ нѣжныхъ, душистыхъ
цвѣтовъ.*

*Въ тихий вечеръ осенний гляди на да-
лекое небо и умѣй въ мириадахъ звѣздъ на-
ходить восторгъ и радость свою.*

*Смѣйся веселымъ, звонкимъ смѣхомъ,
говори, говори безъ конца!*

И такъ далѣе...

По адресу Д. Ратгауза хочется повторить извѣстную формулу:

Д. Ратгаузъ — „говорить, какъ пишетъ“. А пишетъ онъ — плохо...

* * *

У Якова Окунева герои имѣютъ на лицѣ два ряда глазъ...

Изъ разсказа въ „Утр. Биржев.“:

*Высокъ и плотенъ Харузинъ. Мужикъ-
мужикомъ, но въ сюртукѣ и галстукѣ, и въ
движеніяхъ — сила, увѣренность, твердость.
Подѣ рыжими нависшими глазами блѣгаютъ
стѣры хитрые глазки.*

Если и у автора такое изобиліе глазъ, какъ у его героя, то, сочиняя свои разсказы, онъ всегда долженъ брать лишніе глаза въ зузы...

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятые рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованные въ течение 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

A. Петроградъ

Градусу. — „... Глядя на фигуру моей жены, я чувствовалъ что скоро буду отцомъ...“

Это еще ничего! Намъ одинъ господинъ разсказывалъ: „Выдалъ я свою племянницу замужъ, и что же вы думаете?! Черезъ десять мѣсяцевъ почувствовалъ себя дядей!“

Впрочемъ, и вы и этотъ дядя, все равно, работать въ „Сатириконѣ“ не будете...

Симону Р. — Изящество стиля — рѣдкое по нынѣшнимъ временамъ:

„Когда бы Любavinъ не приходилъ до него, онъ“...

„Любavinъ разсказывалъ на женщинъ разныя гадости“.

„Онъ чуть не часъ плюхался (?) въ ваннѣ“.

Мы, конечно, понимаемъ, что недостатокъ сапожнаго товара освободилъ много ремесленныхъ рукъ.

Но почему кожа должна замѣниться непремѣнно бумагой?

Мозырскому — Отъ Симона Р. не отстаетъ и Мозырскій:

„Они сряхали папиросный пепель въ стаканы...“

— Кто же изъ нихъ первый струхнуль, не замѣгли?

С-ову. — *Галерная.* — С-овъ острить, будто товарный вагонъ руками на гору вкатываетъ:

„Между фотографами.

— Нѣтъ ли у васъ, товарищъ, пленокъ?

— У меня нѣтъ, а у моей дочери есть — дифтеритныя, докторъ вчера нашелъ“.

Могильщики остроумны только у Шекспира.

Вообще же — имъ лучше дѣлать свою маленькую, но полезную работу, отнюдь не обращая лопату въ перо.

B. Провинція.

Вологда. Пророку Л. Стихи:

„Море мнѣ шепчетъ пѣсни свои,
Море мнѣ лижетъ ботинки,
Море мнѣ лижетъ ботинки мои,
Тихо смывая пылинки“.

Rис. Н. Кузнецова.

Едва ли тотъ или другой способъ чистки вашихъ ботинокъ можетъ заинтересовать широкаго читателя...

Мелитополь. Слоненку. — Изъ письма. Между прочимъ:

„Сообщите, пожалуйста, кромѣ того, кто Аверченко — русскій онъ или нѣтъ?“

Китаецъ.

О васъ же мы не спрашиваемъ: все ясно и безъ того.

Кievъ. Фельетонисту Д. Б. — Вы пишете: „Діогенъ клалъ въ ротъ камушки, чтобы научиться говорить“.

Очевидно, эта манера Діогеномъ украдена у Демосфена.

Богъ имъ судья. И вамъ тоже.

Одесса. Якубовичу. — „Хочу сотрудничать, присылая корреспонденціи. Меня въ го-
родѣ всякая собака знаетъ“.

Рекомендациѣ одесскихъ собакъ для на-
шего журнала не обязательна.

Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бывають артисты и писатели
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ ?

ВЪ РЕСТОРАНЪ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

**Комфортабельные
кабинеты.**

Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу
НОВАЯ КНИГА:

Аркадій Аверченко.

„О МАЛЕНЬКИХЪ — ДЛЯ БОЛЬШИХЪ“.

Разсказы о дѣтяхъ.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

вышла въ свѣтъ и поступила въ продажу
НОВАЯ КНИГА:

Тѣффи.

„Неживой звѣрь“.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

4-й годъ изданія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1916 годъ

ж ежедѣльный журналь сатиры и юмора
„Новый Сатириконъ“.

всѣ годовые подписчики получать:

52 номера богато иллюстрированного красочными
рисунками и карикатурами журн. больш. формата. **52**
Рисунки и текстъ лучш. русскихъ художн. и писателей.

3 БЕЗПЛАТН. Кромѣ того, всѣ годовые под- **БЕЗПЛАТН.**
ПРЕМІИ: **3** подписчики получать **ПРЕМІИ: 3**
одну обильно иллюстрированную книгу:

ДЕСЯТЬ ЛѢТЬ РУССКОЙ КОНСТИТУЦІИ.

Въ звучныхъ, мѣткыхъ, какъ ударъ толедской шпаги, стихахъ будетъ отражено все большое и маленькое, смѣшиное и печальное, все бѣлое и черное, что произошло за эти удивительныя 10 лѣть.

„ВѢСНИКЪ ЗНАНІЯ НОВАГО САТИРИКОНА“.

Если когда-нибудь существовало сомнѣніе въ томъ, что Сатириконцы заботились о своихъ читателяхъ, какъ пеликаны о своихъ дѣтяхъ, то теперь эти недостойныя сомнѣнія должны съ грохотомъ пастъ. Сатириконцы отрываютъ лучшіе куски души своей и отдаются ихъ читателямъ: нате, кушайте!

расширение умственного и научного кругозора нашихъ читателей есть первѣшняя забота руководителей журнала. Поэтому вниманію читателей предлагаются:

3 первыхъ выпуска „Вѣсника Знанія Новаго Сатирикона“.

1. ХРЕСТОМАТИЯ ГАЛАХОВА, примѣнительно къ взрослымъ.
2. ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ. (Смѣшно, если мы остановились передъ грандиозностью задачи. Нужно — значить нужно. И нечего тамъ разговаривать.) 3. СПИРИТИЗМЪ И ОККУЛЬТНЫЕ НАУКИ. (Даже объ этомъ мы подумали.)

ТЕАТРЪ И ВСЕ ОСТАЛЬНОЕ. Альбомъ шаржей Работа извѣстнаго художника РЕ-МИ (Н. Ремизова). Артисты. Критики Рецензенты. Драматурги и проч.

NB. Незнакомыхъ или неизвѣстныхъ лицъ въ этомъ альбомѣ не будетъ... Если даже кто-нибудь изъ таковыхъ и попадетъ случайно въ альбомъ, то пребываніе такого лица въ этомъ альбомѣ уже сдѣлаетъ его извѣстнымъ, чѣмъ заданіе и будетъ выполнено.

ОТЪ КОНТОРЫ.

Будучи принципіальными врагами всякой трескучей рекламы, мы и на этотъ разъ хотѣли бы удержаться въ рамкахъ строгой литературности, несмотря на то, что цѣль настоящаго объявленія — опредѣленная: подстроить нашихъ читателей на присылку подписныхъ денегъ за нашъ журналъ.

Но... разъ литературность — мы должны быть скромны.

Позволимъ себѣ только привести лестное мнѣніе о подпискѣ на нашъ журналъ такого авторитета, какъ Грибоѣдовъ (слова Фамусова):

— Подписано и съ плечь долой!

Авторъ этими словами ясно подчеркнулъ преимущественное положеніе подписчиковъ передъ розничными читателями, жизнь которыхъ полна хлопотъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА безъ доставки **6 р. 80** коп., съ доставкой и пересылкой:

Въ Россіи: на годъ **8** руб., на $\frac{1}{2}$ года **4** руб., на 3 мѣс. **2** руб., на 1 мѣс. **70** коп.
За границу: на годъ **12** руб., на $\frac{1}{2}$ года **6** руб., на 3 мѣс. **3** руб., на 1 мѣс. **1** руб.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:

при подпискѣ **3** р., къ 1 мая **2** р., къ 1 июля и 1 сент. по **1 р. 50** к.

ДЛЯ КОЛЛЕКТИВНЫХЪ подписокъ устанавливается особо льготная разсрочка, а именно: при подпискѣ **2** руб. и ежемѣсячно каждое 1-е число по **50** коп.

Адресъ редакціи и конторы: Петроградъ, Невскій пр., 88.

Телефонъ № 59-07.

Редакторъ: Аркадій Аверченко.

Издатель: Т-во „Новый Сатириконъ“.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ ОБЪ ОДНОМЪ ПОКОЙНИКЪ.

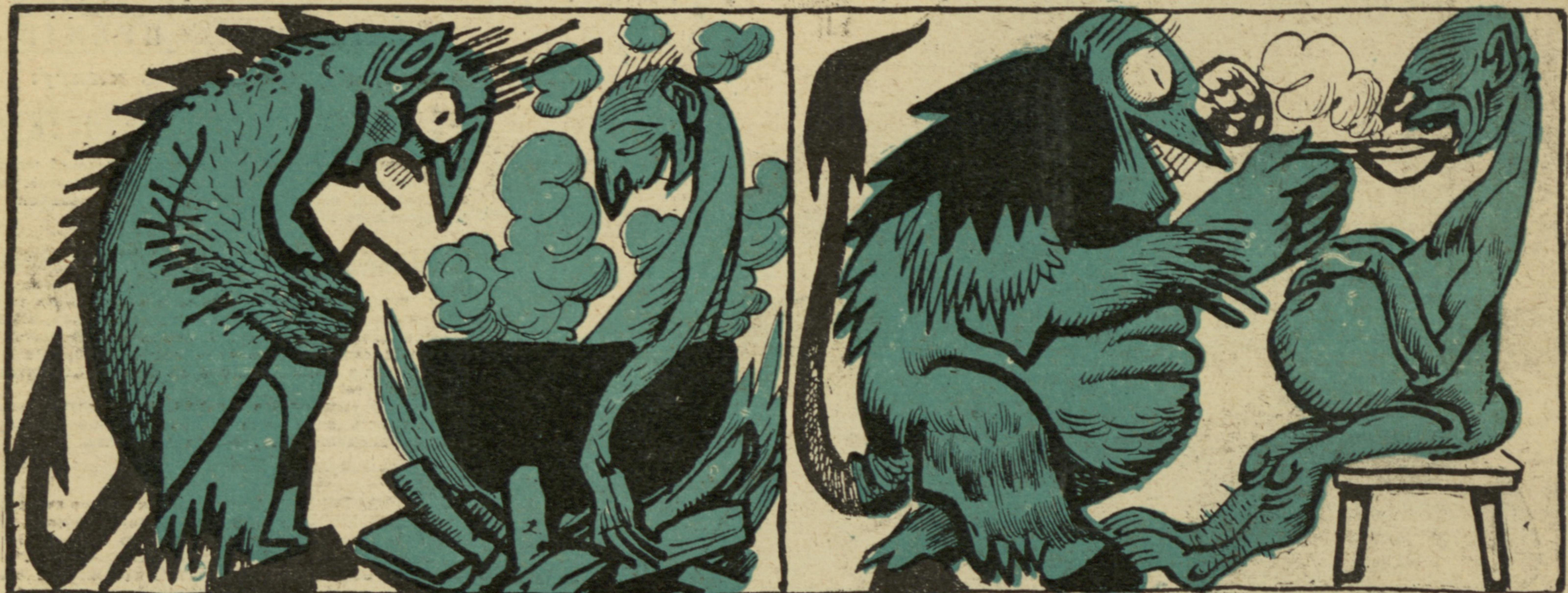
Рис. А. Радакова.

Умеръ россійскій гражданинъ. Былъ онъ гнусень, — начальства не почиталъ, постовъ не соблюдалъ, былъ взяточникъ и воръ, а потому попалъ онъ въ адъ.

Рѣшили черти изъ него всѣ соки выдавить, въ лепешку превратить. Началась работа.

Смѣется россійскій человѣкъ! — Дураки, — говорить, — а еще черти, — вѣдь я каждый день въ петроградскомъ трамваѣ ъздила.

Посадили въ котель съ кипяткомъ. Увидалъ россійскій человѣкъ березовыя дрова горять, обрадовался. — Эхъ, и погрѣюсь же наконецъ, — назябся въ Петроградѣ безъ дровъ.

Стали ему въ ротъ расплавленное олово лить. Лиши, лиши... Смѣется россійскій гражданинъ, — дураки, да я на землѣ ханжу пилъ каждый день!

Стали ему черти шкуру драсть. А онъ заливается. — Щекотно, только и всего! На землѣ съ меня мясники, домовладѣльцы да дровяники — сразу по три шкуры драли.

Думали, думали черти, что съ нимъ дѣлать, и рѣшили его опять въ Петроградѣ отпустить.

Отпустили . . . . .

А черезъ мѣсяцъ стоять у ада обыватель и скучилъ. — Пустите, ради Вельзевула, къ вамъ. Намучился я на землѣ-то... за это время. Не пустили черти, и покончилъ тогда съ жизнью у вратъ адовыхъ россійскій гражданинъ!

Имѣющіе мозги размышлять, да размыслите сю исторію.